

Депутатъ отъ Россіи.

Воспоминанія и переписка Ольги Алексѣевны Новиковой.

Глава VIII ¹⁾.

Трудно, говоритъ Стэдъ, отдѣлить воспоминанія Ольги Алексѣевны Новиковой отъ моихъ собственныхъ, такъ какъ мы единодушно стремились удалить всѣ недоразумѣнія, мѣшавшія дружескому соглашенію между русскими и англичанами. Это особенно ярко замѣчается въ 1888 году, когда по приглашенію г-жи Новиковой, я пріѣхалъ въ Россію, былъ лично представленъ Государю и государственнымъ дѣателямъ, политики которыхъ я много лѣтъ былъ адвокатомъ *motto proproria* въ англійской прессѣ. Стэдъ говоритъ: объ этомъ посѣщеніи Россіи у меня съ нею было не мало разговоровъ.

„Со времени подписанія Берлинскаго трактата, я сталъ издавать *Цэлъ Мелъ Газетъ*, говоритъ Стэдъ и въ особенности послѣ 1885 г., необходимость знакомства съ вершителями русской политики стала мнѣ очевидна. Никто мнѣ не давалъ никакихъ свѣдѣній о Россіи, кромѣ г-жи Новиковой.

„Въ 1885 г. Императорскій домъ сталъ подписываться на *Цэлъ Мелъ Газету*, но до 1888 г. я не имѣлъ счастья говорить, съ глазу на глазъ, съ моимъ Царственнымъ подписчикомъ. И подпиской и представленіемъ Ею Величеству обязанъ былъ я опять таки г-жѣ Новиковой. Можно себѣ представить ея негодованіе, когда, по пріѣздѣ въ Берлинъ, она увидѣла въ рекомендованной ею газетѣ, что я, съ 6 іюля, печатаю серію статей, названныхъ мною

¹⁾ См. „Русская Старина“, ноябрь 1913 г.

„Дань Новому Вавилону“, которыя подь именемъ „*Les Scandales de Londres*“ произвели большую сенсацію въ старомъ и новомъ свѣтѣ. Г-жа Новикова ничего не знала объ этихъ публикаціяхъ и пришла въ ужасъ при мысли о впечатлѣніи, которое произведутъ, въ Царскомъ Селѣ, первые номера Пэлъ Мелъ Газеты. Къ счастью, Русская Императорская фамилія согласилась съ королевой Викторіей въ признаніи необходимости изобличать порокъ, и вмѣсто вреда мнѣ эти статьи послужили на пользу.

„Но серіозные переговоры о посѣщеніи Россіи начались только въ 1887 г., говоритъ Стэдъ. Въ это время трудно было сказать, гдѣ будетъ находиться Государь. Существовало, вдобавокъ, общее недоумѣніе, можетъ ли согласиться Монархъ принять журналиста?“ Г-жа Новикова сначала не встрѣчала ободряющихъ отвѣтовъ, именно со стороны англійскаго посла.

„Въ 1888 г. положеніе Европы стало болѣе угрожающимъ. Появился генераль Буланже, и распространилось мнѣніе, что годъ не кончится безъ общей войны; неопредѣленнымъ дѣяте-лемъ была личность русскаго Императора. Трудно повѣрить теперь, но дѣйствительно общее мнѣніе тогда было, что Александръ III представляетъ величайшую опасность для европейскаго мира. Наша печать изливалась въ клеветѣ, продолжаетъ Стэдъ.

„Я писалъ г-жѣ Новиковой, что теперь именно я долженъ бы видѣть Государя, составить мнѣніе о его характерѣ и политикѣ. Но сдѣлать это было не легко. Дѣйствительно: Императоръ никогда не принималъ журналистовъ, и время въ Россіи было не спокойное.

10-го іюня 1887 г. г-жа Новикова мнѣ писала:

„Невъроятно трудно, особенно теперь, устроить какое бы то ни было свиданіе для васъ съ Государемъ. Планы путешествій Императора составляютъ государственную тайну; предполагаются нѣсколько поѣздокъ, но если вы спросите Гирса когда и куда они направятся, онъ корчитъ самую уморительную фигуру; когда я говорю о васъ, указывая на вашу всегдашнюю поддержку Россіи, мнѣ отвѣчаютъ: „*Ah oui, c'est très vrai, il a été très courageux et très impartial*“¹⁾.

Однако г-жа Новикова взялась за невозможное и съ помощью своего брата, генерала Кирѣева, адъютанта В. К. Константина Николаевича, Побѣдоносцева и Рихтера, она добилась разрѣшенія Государя, къ удивленію англійскаго посла, который

¹⁾ „Ахъ, да, это правда. Онъ былъ очень смѣлъ и безпристрастенъ“

вообразилъ, что всякое представленіе непременно должно идти дипломатическимъ путемъ.

„Къ чему его вмѣшательство? спрашивалъ удивленный Стэдъ, вовсе не знакомый съ придворнымъ этикетомъ; я помощи у него не просилъ. Почему не дать г-жѣ Новиковой сдѣлать это для меня? Я не знаю, что происходило между Министерствомъ Иностранныхъ дѣлъ и Петербургскимъ посольствомъ, но дня черезъ два я получилъ пріятное извѣстіе, что препятствія устранены и что Государь меня милостиво приметъ. Прежде чѣмъ уѣхать изъ Лондона, я видѣлъ Гладстона и большую часть нашихъ вліятельныхъ государственныхъ людей. Въ Парижѣ интервьюировалъ Буланже, Клемансо, Флоке, Гобле. Въ Бельгійи провелъ день съ Лавелей, въ Берлинѣ Бисмаркъ отказался меня принять, извиняясь передъ своимъ пріятелемъ, давшимъ мнѣ рекомендательное письмо, тѣмъ предлогомъ, что я очень опасный человѣкъ. Я видѣлъ доктора сэра Морель Макензи въ комнатѣ смежной съ той, въ которой умиралъ Императоръ Фридрихъ, и въ Берлинскомъ Русскомъ посольствѣ видѣлъ посланника Муравьева, котораго я встрѣтилъ, черезъ десять лѣтъ, Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ въ Россіи. Я пріѣхалъ въ Петербургъ наканунѣ Пасхи и присутствовалъ на ночномъ богослуженіи въ Исаакіевскомъ соборѣ.

„По пріѣздѣ въ Европейскую гостиницу, я узналъ о вмѣшательствѣ посла въ мои хлопоты о представленіи Государю. Я никогда не видѣлъ сэра Роберта Моріе до этого, но онъ зналъ Пэля Мель Газету и даже писалъ Ольгѣ Алексѣевнѣ въ 1886 г. слѣд.:

„Очень благодаренъ за Пэля Мель, я самъ ее получаю какъ необходимый ежедневный показатель температуры сумасшедшаго дома, въ какой обращено мое отечество“.

„Сэръ Робертъ Моріе былъ человѣкъ сильнаго, пылкаго характера, онъ ненавидѣлъ home rule больше даже, чѣмъ ненавидѣлъ Бисмарка.

„Извѣстіе, что издатель органа „Home rule“ будетъ принятъ Императоромъ, было для сэра Роберта Моріе настоящимъ ударомъ.

„Это представленіе не состоится“, восклицалъ самъ Стэдъ. Согласно этикету посолъ не имѣетъ права представить иностранному монарху кого бы то ни было, кто не былъ представленъ своему Государю. Я никогда не былъ при дворѣ и не имѣлъ намѣренія пользоваться услугами сэра Роберта Моріе. Чувствуя, что онъ намѣренъ испортить свиданіе, которому я

придавалъ такое огромное значеніе, я не поѣхалъ къ нему, а только послалъ ему брошюру, которую Лавелей просилъ ему передать. Къ великому моему удивленію, сэръ Робертъ Моріе пригласилъ меня обѣдать у него, и послѣ свиданія всегда я пользовался дружескимъ отношеніемъ ко мнѣ одного изъ способнѣйшихъ, если не величайшаго дипломата Англій“.

„Генераль Кирѣевъ представилъ меня Гирсу, тогдашнему министру Иностранныхъ Дѣлъ въ Россіи. Г-жа Новикова представила Побѣдоносцеву, генералу Игнатьеву и многимъ другимъ. Было извѣстно, что я буду представленъ Государю, но о днѣ и о часѣ никто ничего сказать не могъ. Моріе, сначала враждебно относившійся къ представленію, сталъ съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждать, чтобы оно состоялось. О приѣмѣ или неприѣмѣ меня разсуждали такъ живо, какъ будто онъ имѣлъ дипломатическую важность. „Нѣтъ ни одного посла въ Петербургѣ, который не писалъ бы своему Министерству, на этой недѣлѣ, о возможности или невозможности приѣма“, говорилъ Моріе.

„Но я былъ принятъ Императоромъ, и онъ разсуждалъ со мной объ иностранной политикѣ Россіи, отъ Японіи до Берлина. Я очень былъ гордъ, слыша завистливыя восклицанія:

„Виданное ли это дѣло? Это все г-жа Новикова. О, эти дамы, чего только онѣ не могутъ сдѣлать?“ говорили разные дипломаты.

„Свиданіе было въ Гатчинскомъ дворцѣ.

„Генераль Рихтеръ, представивъ меня, удалился, я остался лицомъ къ лицу съ Императоромъ.

„Началъ я говорить съ полной искренностью, что вмѣсто того, чтобы сидѣть въ присутствіи Его Величества, мнѣ слѣдовало бы пасть къ его ногамъ и униженно выразить свой стыдъ и огорченіе, по поводу несчастій, причиненныхъ Англійей Россіи, въ правленіе Биконсфильда. Мнѣ кажется, что пылкая искренность моихъ словъ тронула Александра III. Онъ сталъ говорить, нѣсколько медленно, но такъ чтобы дать мнѣ возможность отвѣчать, чѣмъ я не замедлилъ воспользоваться. Онъ говорилъ о г-жѣ Новиковой, хвалилъ ея прекрасныя статьи въ *Сѣверномъ Эхо* и позднѣе въ *Цѣль Мелъ Газетъ* и отнесся съ большимъ благоволеніемъ къ моему участию въ ея дѣятельности. Я отвѣтилъ, что былъ счастливъ заглядить, насколько было это въ силахъ одного человѣка, зло, сдѣланное Биконсфильдомъ Россіи. Я сказалъ, что благодаря моей горячей защитѣ Россіи, на меня стали смотрѣть, какъ на неофіціальнаго ея представителя

Я имъ не былъ, но такое общественное мнѣніе можетъ мнѣ сдѣлать большой вредъ въ будущемъ. „Какъ?“—спросилъ Государь. „Такимъ образомъ“, отвѣтилъ я. Предположимъ, что возникъ споръ, грозящій добрымъ отношеніямъ двухъ имперій, я думаю, что Англія должна бы сдѣлать нѣкоторыя уступки, которыя удовлетворили бы Россію.

„Императоръ улыбнулся и спросилъ: „Что бы Вы желали знать“?

„Я бы желалъ знать, ежели Ваше Величество *позволить мнѣ высказаться, какая политика намѣчена Вами, во всѣхъ вопросахъ, касающихся возможнаго столкновения между Россіей и Англіей?*

„Безъ всякаго колебанія Императоръ отвѣтилъ:

„Спрашивайте, что именно вамъ нужно знать, и я отвѣчу“.

„Я началъ съ Дальняго Востока. Каковы отношенія Россіи съ Японіей и Китаемъ?—Государь *ответилъ просто, безъ фразъ и категорически.*

„Затѣмъ я коснулся *Средней Азіи, Афганиста, Персіи и потомъ Ближняго Востока, во всѣхъ его видахъ. Я спрашивалъ особенно о будущности Константинополя и о политическихъ видахъ Болгаріи. На всѣ мои вопросы я получилъ ясные ответы, безъ колебанія. Онъ какъ будто затруднился при моемъ вопросѣ, согласилась ли бы Россія, въ случаѣ если возникли бы извѣстныя обстоятельства, на занятіе Гампоми Англичанами? Зачѣмъ разсуждать о такой далекой случайности, сказалъ онъ.*

„Потому“, отвѣтилъ я, что случайность можетъ явиться, когда я не буду въ состояніи спросить у Васъ, чего Вы желаете, а теперь, по крайней мѣрѣ, Вы можете мнѣ сказать, что по Вашему возможно, и что очевидно невозможно. Императоръ отвѣтилъ на этотъ вопросъ. Потомъ говорили о Кобургахъ, о принцѣ Фердинандѣ и о положеніи на Балканахъ.

„Окончивъ вопросы, я смутился, вспомнивъ о часѣ Царскаго завтрака. Я посмотрѣлъ на часы.

„Разговоръ продолжался около трехъ четвертей часа. Я поблагодарилъ Императора за его милостивое вниманіе и сказалъ что не смѣю долѣе отнимать у него время. Улыбка и нѣкоторое удивленіе на лицѣ Государя, въ то время, какъ онъ поднялся съ своего мѣста, *дали мнѣ почувствовать, какой я оселъ. Не мнѣ было прекращать аудіенцію, а самому Монарху. Продолжай я говорить, я бы могъ воспользоваться еще получасомъ; теперь было поздно. Государь подошелъ, протянулъ мнѣ руку и сказалъ, чтобы я просилъ Гирса давать мнѣ свѣдѣнія въ*

будущемъ. Глядя на мужественныя добрыя черты Александра III, я не удержался ему сказать:

„Когда я вспоминаю все наветы и дерзости нашей печати, я не могу не чувствовать, что было бы естественно, если бы Ваше Величество потеряли терпѣніе. А если бы Ваше Величество его потеряли, полмилліона людей было бы въ кровавой могилѣ.“

„Не бойтесь, отвѣчалъ онъ серьезно, я не потеряю терпѣнія. Войны не будетъ. Я ручаюсь за миръ. Если Англія, Россія и Германія будутъ единокорны, миръ всего свѣта обезпеченъ“.

„Я никогда больше не видѣлъ Александра III, но каждое его слово, сказанное мнѣ, при этомъ памятномъ случаѣ, оправдалось на дѣлѣ во все время его царствованія.“

„Послѣ моего одинокаго завтрака, генераль Рихтеръ привезъ меня обратно въ Петербургъ; это былъ самый вѣжливый и любезный компаніонъ; онъ удивлялся необычайной продолжительности пріема, но когда я ему сказалъ случайно, что я разсуждалъ съ Государемъ о Константинополѣ и проливахъ, удивленію его не было конца.“

„Тотчасъ по пріѣздѣ къ себѣ въ гостиницу я поѣхалъ къ г-жѣ Новиковой, которая была, конечно, довольна такимъ успѣхомъ. Отъ нея я поспѣшилъ въ Англійское посольство, гдѣ я засталъ сэръ Роберта Моріе, ожидавшаго съ нетерпѣніемъ сообщенія всехъ подробностей разговора.“

„Сэръ Робертъ Моріе былъ вполнѣ государственный человѣкъ, а не лишь чиновникомъ Министерства иностранныхъ дѣлъ.“

„Когда я кончилъ свой разсказъ, онъ сказалъ:

„Вы касались всего міра, за исключеніемъ Египта.“

„Я не хотѣлъ касаться этого вопроса, наше положеніе въ Египтѣ должно, я думаю, считаться совершившимся фактомъ.“

„Спустя нѣсколько дней сэръ Робертъ Моріе прислалъ за мною. Онъ сказалъ мнѣ, что послалъ въ Министерство полный отчетъ о свиданіи, но желалъ прочесть частное письмо свое королевѣ Викторіи; она любила, чтобы ей сообщали подробно все выдающіяся событія. Онъ прочиталъ мнѣ блестящее описаніе свиданія и точный перечень всего сказаннаго Государемъ. Въ началѣ письма онъ говоритъ, что съ памятнаго свиданія Императора Николая I съ сэромъ Хамильтономъ Сеймуръ, ни одинъ русскій Императоръ не говорилъ такъ откровенно съ англичаниномъ.“

„По возвращеніи моемъ въ Лондонъ, говоритъ Стэдъ, я

написалъ книгу, подъ заглавіемъ „Правда о Россіи“, она имѣла несчастье возбудить неудовольствіе г-жи Новиковой.

Три четверти книги ей нравилось, но часть, въ которой порицалась система религіознаго преслѣдованія Побѣдоносцева, навлекла на меня ея бурное негодованіе. Слѣдующее письмо генерала Александра Кирѣева ясно доказываетъ невозможность согласованія взглядовъ англійскаго нонконформиста, какъ я, съ православнымъ русскимъ. Генералъ Кирѣевъ писалъ своей сестрѣ:

„Скажи Стѣду, что хотя бы онъ предалъ анаѳемѣ Россію за ея недостатокъ вѣротерпимости, все же я требую, чтобы онъ оказалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что нашими чувствами руководятъ два соображенія: 1-ое, наше отечество органически связано со своею церковью, отсюда названіе „Святая Русь“, все, что противъ церкви, противится самой сути народной; и 2-ое, вполне убѣжденные въ обладаніи истины, мы не можемъ терпѣть какое бы то ни было на нее посягательство“.

Г-жа Новикова прибавляла.

Только равнодушіе могло бы допустить антиправославную пропаганду. Если бы двѣнадцать апостоловъ явились, мы бы приняли ихъ съ распростертыми объятіями потому, что они не пошатнули бы нашу вѣру, а только утвердили бы насъ въ ней. Г-жа Новикова глубоко негодовала, она писала:

„Десять лѣтъ вы старались удалять враждебность между Россіей и Англійей. Теперь вы точно желаете заключить въ тюрьму каждаго русскаго, чувствовавшаго симпатію къ вамъ или къ вашей работѣ. Когда вы клеветаете на насъ, было бы лучше выразить при этомъ нѣкоторое колебаніе, нѣкоторую неувѣренность и заявить хотя бы небольшое желаніе узнать истину. Въ предисловіи ваша обязанность, просто какъ честнаго человека, была сказать: г-жа Новикова просила меня выбросить три четверти этой книги, такъ какъ въ нихъ заключается одна клевета на Россію.“

Три четверти книги, надѣюсь, преувеличеніе. Лесаръ читалъ эту книгу и находилъ, что приблизительно восемьдесятъ страницъ, въ которыхъ говорится о религіозныхъ преслѣдованіяхъ, не будутъ пропущены цензурой.

Какъ и слѣдовало ожидать, вся книга была запрещена въ Россіи. Тогда случилась странная вещь, Императоръ Александръ III, какъ мнѣ сказали, приказалъ отмѣнить запрещеніе и „Правда о Россіи“ стала свободно распространяться по всей Россійской имперіи. Я помню удивленіе Лесара, когда я ска-

валъ ему, что запрещеніе снято. „Это невозможно“, воскликнулъ онъ, но это было такъ.

Стэдъ упомянулъ въ Пэль Мель о пріемномъ днѣ г-жи Новиковой. Она пишетъ ему:

„На Васъ и на Ваши ошибки трудно долго сердиться. Право, Вы невмѣняемый человѣкъ. Зачѣмъ, напримѣръ, Вы несноснѣйшій изъ смертныхъ объявляете въ Вашей газетѣ о моихъ пріемахъ? У меня и безъ того больше гостей, чѣмъ я могу ихъ размѣстить. Но теперь Вы сами должны ко мнѣ пріѣхать, хотите или нѣтъ: у меня до Васъ спѣшное дѣло.

Негодующая О. К.

„Я не бывалъ на пріемахъ г-жи Новиковой, говоритъ Стэдъ, но той же причинѣ, на которую Гладстонъ намекаетъ въ одномъ изъ его писемъ къ ней:

„Надѣюсь заѣхать къ Вамъ, съ женою или одинъ, завтра въ 6 ч. или немного позднѣе; но не встрѣчу ли я опять у Васъ громадное общество, которое помѣшаетъ съ Вами переговорить толкомъ?“

Часто такъ бывало. Она писала Стэду объ одномъ ея пріемномъ днѣ:

„У меня перебивало около двадцати восьми человѣкъ, если не больше. Гладстонъ пріѣхалъ рано, въ три;—потомъ Фрудъ, потомъ Леки съ женою, князь и княгиня Гика (румынскій посланникъ съ женою), затѣмъ жена бразильскаго посланника, потомъ португальскаго и сэръ Генри Камибеллъ Баннерманъ съ женою.

Гладстону иногда удавалось не быть въ толпѣ. Г-жа Новикова такъ описываетъ одинъ его пріѣздъ.

„Гладстонъ былъ и былъ особенно интересенъ. Онъ опять повторилъ, что Вы были очень полезны во время восточнаго кризиса и были настоящимъ другомъ мнѣ, на что я отвѣтила, что никогда не забываю оказанныхъ мнѣ одолженій.

„Гладстонъ скоро уѣзжаетъ въ Неаполь. У него очень здоровый видъ и какъ онъ замѣчательно добръ. Онъ писалъ Гирсу поздравленіе съ юбилеемъ и конечно получилъ благодарный отвѣтъ.

Иногда у г-жи Новиковой проявляются довольно ѣдкіе сарказмы, которые она старательно скрываетъ. Такъ, напримѣръ, она пишетъ:

„Иностранцевъ очень забавляетъ, что англійскія дамы, съ

леди Салсбери во главѣ, подносятъ женѣ американскаго посла великолѣпный брилліантовый браслетъ. Это, несомнѣнно, знакъ большого смиренія въ виду американской анти-британской демонстраціи.

„Не поднесутъ ли онѣ хлысть съ брилліантовой ручкой и Герберту Бисмарку за его урокъ Англіи?“

Г-жа Новикова мало писала объ общественныхъ увеселеніяхъ. Одно изъ рѣдкихъ исключеній было слѣдующее описаніе живыхъ картинъ въ Михайловскомъ дворцѣ. Сама г-жа Новикова принимала участіе въ такихъ картинахъ, то появляясь какъ Евангелистъ Іоаннъ, то какъ голландская женщина въ картинѣ съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ. Она писала Стѣду 5-го апрѣля 1888 года.

„Семь картинъ были даны въ театральномъ залѣ дворца. Въ первой картинѣ Великая Княгиня Елисавета была прелестна какъ Пери, Принцесса Елена Мекленбургская изображала первую часть седьмой картины „Слава Россіи“. Она какъ нельзя лучше изобразила царскій блескъ и достоинство... Принцесса Елена—прекрасная пѣвица, совершенная артистка. Она управляла женскимъ хоромъ во время тѣхъ картинъ, въ которыхъ она не принимала участія, и пѣла первое меццо-сопрано. Последняя картина, *Парнасъ*, была необыкновенно остроумна и хорошо поставлена: на одной изъ галлерей надъ лѣстницей противъ входа. Во время этой картины была исполнена часть девятой симфоніи Бетховена.

Музыкальная программа была исполнена въ такомъ совершенствѣ, что Рубинштейнъ выразилъ свое искреннее одобреніе, хотя обыкновенно онъ рѣдко бываетъ доволенъ музыкальными исполненіями дилеттантовъ.

Наши добрые Государь и Государыня казались довольны и были очаровательно милостивы ко всѣмъ. Правда, они достойны быть такъ любимы, какъ ихъ любить Россія.

Отношенія между Россіей и Англіей стали нормальными, такъ, что г-жѣ Новиковой не приходилось такъ пылко предаваться прежней дѣятельности, поэтому Стѣдъ опускаетъ 1889, 1890 и 1891 годы, отмѣчая только отрывки изъ ея писемъ и писемъ ея друзей.

Вотъ великокняжеское свѣдѣніе:

16-е марта 1889.

„Завтра будетъ блестящее исполненіе Реквіема Моцарта въ Мраморномъ дворцѣ. Молодой Великій Князь Константинъ —

прекрасный поэтъ и музыкантъ. Все, что должно быть исполнено на роялѣ, будетъ исполнено имъ, онъ все играетъ наизусть“. Все же событія въ Славянскомъ мірѣ всегда находили откликъ въ ея сердцѣ, а иногда ее сильно озабочивали.

Когда Миланъ Сербскій отказался отъ престола (мартъ 1889 г.) и развелся съ королевой Наталіей, онъ нашель, что митрополитъ Михаилъ ему неудобенъ, и послѣдній предпочель оставить свой постъ, чѣмъ содѣйствовать разводу, и король обратился къ митрополиту Θεодосію, г-жа Новикова написала статью въ защиту митрополита Михаила въ англійскихъ газетахъ. Впослѣдствіи она его встрѣтила въ Петербургѣ.

Въ письмѣ отъ 5 мая 1889 года она говоритъ:

„У меня былъ сегодня утромъ митрополитъ Михаилъ, пріѣхавшій сюда на короткое время. Я удивилась, увидя его; я ожидала высокаго, сильнаго, воинственнаго вида человѣка, въ дѣйствительности онъ небольшой, худой, спокойный и очень симпатичный человѣкъ. Взглядъ его полонъ жизни и ума, а улыбка полна доброты. Мы говорили о братѣ моемъ Николаѣ, о цвѣтахъ, посланныхъ мною на памятникъ добровольцамъ; должна признаться — это былъ очень трогательный разговоръ.

Королева Наталія, навѣрное, соединится съ сыномъ; откладывается это изъ предосторожности, но Вы увидите, если Миланъ возвратится съ тѣмъ, чтобы Австрія заняла Сербію, это очень будетъ грозить европейскому миру. Я спросила у митрополита, находить ли онъ дѣятельность г-жи Эрби (Miss Roline Erbe) въ Сараево очень благородной и полезной? Онъ отвѣчалъ: „Да благословить ее Богъ за ея самопожертваніе. Австрійская пропаганда очень сильна въ Босніи и Герцоговинѣ, и я увѣренъ, что лишь благодаря австрійскому вліянію все молодое поколѣніе въ Сербіи бросило кириллицу. Вы понимаете, что это значить?“

Въ 1890 году г-жа Новикова получила отъ Гирса слѣдующую записку, относящуюся къ ея поддержкѣ русской политики въ англійской печати;

9/21 апрѣля 1890.

„Je Vous suis bien reconnaissant pour l'envoi de Votre intéressant article, servant de réponse à la presse anglaise qui délecte

tant de calomnies sur notre compte. Il faut espérer qu'il produira l'effet désiré en Angleterre¹⁾.

Краткое, но заслуженное признаніе русскаго министра иностранныхъ дѣлъ неутомимыхъ услугъ, оказываемыхъ г-жей Новиковой, какъ даръ любви ея къ Россіи.

По такому же поводу Ольга Алексѣевна получала письма отъ князя Лобанова.

Сообщ. Е. С. М.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Я очень благодаренъ Вамъ за присланную интересную статью Вашу, въ отвѣтъ англійской печати, которая такъ наслаждается клеветой на нашъ счетъ. Надо надѣяться, что Ваше разъясненіе произведетъ желанное дѣйствіе въ Англии.